

«ГОЛОС возникает вдруг, в сопровождении фортепиано, и рождается чудо. Чудо музыки. Чудо песни. Рождается оно само, без шумного оркестра. Без декораций и без световых эффектов. Звучит песня. С извечной, всепобеждающей своей силой. Эта глубина не нуждается ни в каких украшениях. Песня, которая трогает сердце сразу же, сжигающая его силой божественного человеческого голоса. Силой слова и мелодии, исполненных лиризма, подлинной страсти... Лишь одна Ирина Архипова смогла ожить в нашей памяти величие Марии Каллас, одарив нас в то же время двумя неповторимыми часами музыки, которая глубоко нас взволновала», — так писал критик в афинской газете «Эпикера» 29 сентября 1983 года.

В рамках Афинского фестиваля был назначен концерт Ирины Константиновны Архиповой. Посвящен он был памяти великой греческой певицы Марии Каллас и организован обществом «Атенеум», которое занимается проведением фестивалей и международных конкурсов в Афинах.

Я прилетел в Афины за несколько дней до концерта. Архипова была в Англии, она пела с труппой «Ковент-Гардена» «Трубадура» в Манчестере и

раментными людьми, наделенными, как мне показалось, сильными, волевыми характерами... Запомнились афинские солдаты — у них ужасно смешной наряд. Белые панталоны в обтяжку, а на туфлях большие помпоны. Такие, как на наших лыжных шалках. На солдатах красные береты, рукава — то, что называется у женщин «летучая мышь». Рубашка спускается этаким колокольчиком, юбочкой. И при этом через плечо винтовка. Зато живописно, ничего не скажешь!

Еще, помню, я проходил по улице, где продают цветы. Все предлагают, как безумные. Но я же не могу сразу все купить! Оказывается, даже не купить предлагали, а просто давали — то ли какое-то особое отношение к «чужому», то ли из расчета: если уж он возьмет хотя бы один цветок, то ему неудобно будет дальше пройти мимо... Во всяком случае, я решил купить кактус. Маленький такой, весь в красных цветочках. Я очень радовался, любовался им, всем показывал. Пока один знакомый, специалист по домашним растениям, не сказал мне: «А где вы тут нашли цветы? Это же бумажки, которые проволочками прикрепили к кактусу».

Утром в день концерта Архипова не прилетела — мне сказали, что самолет из Лондона опаздывает. Тут уж я перепугался — или концерт сорвется, или Архипова прилетит за несколько часов до выступления — а вы себе представляете, что такое прилететь на следующий день после спектак-

ра, и страх, что нас не услышат, отпал полностью.

Перемещаясь вверх — вниз по ступеням, я вспомнил ощущение, испытанное в Берлине, в Государственном музее, когда я поднимался к главному алтарю Пергамского храма. Я тогда очень быстро взбежал по лестнице — и мышцы заболели от напряжения. И подумал — насколько крепкими, физически здоровыми становились греки от таких «упражнений», от восхождений к своим святыням!

Я гулял по ступеням, «осваивал» пространство Одеона, делал его своим. Я вообще люблю ходить по залу, ставить себя на место слушателя и подбирать ключ к пространству. Люблю посидеть в разных местах — зал должен стать твоим, ты не должен его дичиться, когда выйдешь на концертную эстраду.

В первом отделении были 6 романсов Глинки, а потом «Гопак» и «Песни и пляски смерти» Мусоргского. Второе отделение включало романсы Чайковского и Рахманинова — но не надо забывать, что концерт проходит в Греции, а аудитория состоит из нескольких тысяч человек! Как-то они примут жемчужины русской вокальной лирики — все же это не «шлягерные» оперные арии, не виртуозные «штучки», а произведения, предполагающие в слушателе сопереживание, чуткость к тончайшим нюансам настроения!

Кстати, программка концерта была очень красиво оформлена. На обложке — цветная фото-

Константиновна оставила мне записку со словами благодарности и с просьбой взять рецензии. Мне кое-что удалось добыть. Один из отзывов я уже привел в начале, а теперь хочу добавить особенно примечательный: «Исполнение Ирины Архиповой отличается совершенством, артистка обладает богатейшими вокальными возможностями, и это делает ее пение глубоко волнующим и многокрасочным. Она сообщает истинную выразительность не только самой музыке, в ее исполнении светится каждое слово». Не скрою, мне было приятно прочитать в одной из статей и слова похвалы в мой адрес: было отмечено, что я «полностью слился с пением и дыханием певицы». Это ли не высшая похвала аккомпаниатору?

Одним словом, успех был грандиозный. Ирина Константиновна еще раз доказала высочайший уровень мастерства — все же не каждый день приходится петь камерную программу в такой обстановке. Хотя она пела «Трубадура» на открытой сцене, в античном театре Оранжа, во Франции, выступала в Одеоне Ирода Аттика в спектаклях и оркестровых концертах, все равно вызвать такой шквал аплодисментов, такие неистовые овации в камерном концерте здесь — это было огромное артистическое достижение! И конечно, это был не только успех певицы — это был еще и триумф русской музыки. Многие вещи были неизвестны греческим слушателям, но они захватили людей до

«БОГИНЕ ДРЕВНЕЙ ЗЛАДЫ»

Концерт Ирины Архиповой в Афинах

Независимая газ. — 1993 — 14 авг. — с. 7.

глубины души!

Удивительно, что контакт с залом был установлен почти мгновенно, публика стала «своей». Я даже вижу, что Ирина Константиновна посылает кому-то воздушный поцелуй — не всему залу, а именно кому-то конкретно, атмосфера это вполне позволяла. Потом в одной из рецензий этот воздушный поцелуй был особо отмечен. А послан он был Костасу Пасхалису, директору афинского театра «Олимпия», в прошлом оперному певцу, баритону, председателю жюри международного конкурса вокалистов имени Марии Каллас. Я бы сказал, что в этом воздушном поцелуе проявилось тонкое артистическое чутье Архиповой — всегда внешне строгая, она позволяла здесь себе эту вольность, которая воспринималась как крупный художественный жест. Это ярко характеризует творческий масштаб певицы, которая знает точно, когда и где она может себе нечто «позволить». Я много раз выступал с Ириной Константиновной и в Лондоне, и в Париже, и в Ленинграде, и в Москве — в Афинах она как-то особенно «расковалась». С первого романса Глинки — а это была «Свадебная песня» — установилось общение, в реакции зала слышалась не уважительная «признательность» к приехавшей иностранной «звезде», а сердечное, заинтересованное отношение. Аплодисменты были от души. Концерт проходил 14 сентября. Сцена была украшена корзинами белых гвоздик — любимых цветов Марии Каллас. На 16 сентября было назначено возложение венков к памятнику Марии Каллас — как раз был день рождения певицы. В церемонии должны были принимать участие многие официальные лица и организации. Но Ирина Константиновна на следующий день после концерта, как я уже сказал, улетела в Лондон. Она не могла остаться на церемонию, поэтому наутро после концерта огромные охапки цветов, преподнесенных восторженной афинской публикой, она отвезла к памятнику великой певицы.

Хочу еще добавить о концерте. В самом конце овации не смолкали, начались бисы. Наступила очередь третьей песни Леля из «Снегурочки» Римского-Корсакова. А надо вам сказать, что эта ария — обязательное произведение для всех консерваторских студентов второго курса на кафедре концертмейстерского мастерства. Вы представляете, сколько раз мне приходилось ее слушать? Вещь непростая в ансамблевым отношении, там можно многому научиться — и можно сделать много ошибок. И вот мы выходим из кулис, чтобы исполнить эту замечательную песню, и вдруг у меня форменное наваждение — все эти ошибки моих студентов, все искаженные, посредственные исполнения хлынули потоком в мои уши — и никуда от них не деться! Я думал, что не смогу прикоснуться к клавишам: каша из звуков атаковала слух! Слава Богу, эта каша промелькнула в моих ушах какой-то стреттой, темпо престисимо — на то оно и наваждение. Что интересно, по поводу как раз этого номера критик Георгас Леонокос в газете «Элефтери гноми» писал: «На бис Ирина Архипова спела одну из замечательных песен Римского-Корсакова — великого русского композитора, чьи произведения (мы с горечью пишем об этом!) редко включаются в программы советских исполнителей в Греции».

должна была приехать чуть позже. Мы договорились встретиться и порепетировать: в программе были и те произведения, которые мы до этого совместно не исполняли. В частности «Песни и пляски смерти» Мусоргского. Архипова неоднократно пела их с другими пианистами (записала их, например, с американским пианистом Джоном Вустманом), а я их вообще до этого не исполнял. По приезду я выяснил, что Ирина Константиновна прилетит только в день концерта: ей в Англии назначили спектакль накануне выступления в Греции. Это меня встревожило — ясно было, что толком разобрать Мусоргского не удастся, придется исполнять «по вдохновению»...

В Афинах я был впервые — и город этот привел меня в состояние буйного восторга. Немалую роль, конечно, тут сыграло то обстоятельство, что я с детства любил древнегреческую мифологию. Греческие боги и герои для меня до сих пор — живые люди, без них жизнь моя была бы неполной. Когда я увидел Акрополь, я вдруг подумал, что здесь когда-то жили богоподобные люди — или боги спускались на землю, чтобы помочь людям создать такую красоту?.. Замечательное ощущение давало созерцание этих остатков древности. Был конец сентября, синеглубое небо, солнце ощущимо греет — по всем этим приметам мне показалось, что я приехал к себе в Тбилиси. Море сверкало, переливалось всеми красками. Я ходил по городу и чувствовал невероятный прилив энергии, она в буквальном смысле слова вливалась в меня через солнечные лучи, ласкающие кожу. При соприкосновении с древней архитектурой, со статуями только в первый момент возникает ощущение шока, а через секунду смотришь на них как на старых знакомых — и действительно, все уже вошло в нашу плоть и кровь, стало нашим духовным достоянием. Ходишь по земле, которая столько красоты и мудрости дала человечеству, и это вдохновляет, дает огромные силы...

Я вообще много бродил по греческой столице. Наблюдал забавные жанровые сценки, изучал ритм этого ни на что не похожего южного города с темпе-

ля, покрыв довольно солидное расстояние, прямо на ответственное выступление?

Наконец-то самолет прилетел, Архипова легла отдохнуть, мне передали, что она придет прямо на концерт.

Пока идут приготовления, я расскажу о месте, где этот концерт происходил и как была составлена программа.

Место примечательное — это Одеон Ирода Аттика, античный театр прямо под акропольским холмом. Римская постройка эпохи эллинизма. В ней и сейчас даются спектакли. Сценическая часть построена так, что там может расположиться — загримироваться, приготовиться к спектаклю — большая труппа. Кстати, там выступала опера Большого театра с «Евгением Онегиным» и «Борисом Годуновым». А зрители сидят, как сидели древние греки — амфитеатром, под открытым небом.

Амфитеатр редкой красоты, огромный. Пришел в недоумение — как же тут выступают с камерной программой. И спросил устроителей концерта: а будет ли нас слышно? Потому что все это было больше похоже на стадион в нашем понимании, чем на концертный зал. Никаких микрофонов! Как будет звучать программа русской камерной музыки — не такой уж легкой для восприятия «чужого уха» — на многотысячной аудитории? Но мне сказали: не волнуйтесь, слышно вас будет прекрасно. Даже наоборот: будьте внимательны, если что-то захотите сказать певице, говорите шепотом, потому что весь зал будет отчетливо слышать каждое слово. И они были правы: когда я сел и начал играть — еще до прихода Ирины Константиновны, — я почувствовал, что нахожусь в маленьком, уютном камерном зале. Это что-то потрясающее! Я ощутил радость, как от музицирования в тесном, интимном кругу. Незабываемое чувство! Диву даешься, как это вообще возможно, — чтобы монументальное, величественное сооружение могло обладать такой акустикой! Я услышал — именно услышал, — если так можно сказать, особое звуковое единство сценической площадки и зрительного зала. Я прошелся по ступеням амфитеат-

графия Марии Каллас во время пения.

Концерт начался довольно поздно. Стемнело, стало довольно прохладно — ветерок ощущался вполне заметно. Молодой пианист из консерватории переводил мне ноты, так вот, ему приходилось не только их переворачивать, но и держать — если бы не его усилия, ветер бы унес ноты... А во втором отделении Ирине Константиновне пришлось накинуть шаль — получилось вполне стильно и красиво, наряд это не испортило.

Но это еще впереди. А пока что концерт не начался. Пока что приходит довольно напуганная Архипова. Накануне пела «внепланового «Трубадура», сегодня сидела несколько часов в аэропорту уставшая, измученная. «Не знаю, что будет», — говорит она мне. И вид действительно измученный.

Но начала распеваться, и сразу голос зазвучал прекрасно. По-настоящему хорошо. Но нагрузка предстоит огромная: не только программа сложная, еще и этот величественный амфитеатр морально «давит» на тех, кто находится на сцене, как-то изматывает, поглощает, несмотря на то, что акустика прекрасная. Между прочим, пока по сцене идешь до рояля, устать можно.

Концерт исполнялся на русском языке, но в программке, в отличие от большинства концертов за границей, не было полных переводов романсов. Насколько я помню, переводы просто не успели сделать — идея концерта памяти Марии Каллас возникла как-то спонтанно, не успели толком подготовиться.

Должен сказать — с полной ответственностью! — что концерт этот был особенный. Бывают выступления, которые просто невозможно забыть. Таким был и тот афинский концерт Архиповой! От первой до последней вещи — все было на высшем уровне исполнительского мастерства! И вокальная форма — безупречная! И, что удивительно, ансамблевость — включая вещи, которые мы впервые вот здесь, на этой сцене, исполняли вместе, — была идеальная, никаких потерь.

Отклики прессы были восторженными. На следующий день, улетаю обратно в Лондон, Ирина